

Поиски и находки

З А Г А Д К И Ф И Л Ь М А « М Ы »

Случилось это зимой 1973-74 года. Готовясь отметить столетие со дня рождения нашего земляка В. Э. Мейерхольда, сотрудники театрального музея имени А. А. Бахрушина при разборе киноархива обнаружили три коробки киноопознativa неизвестного фильма, озаглавленного «Мы».

Пленка была очень старая, пересохла, с деформированной перфорацией. При попытке просмотреть ее на экране рвалась, ломалась и могла прийти в полную негодность. Как-то удалось разобрать, что в фильме сняты очень известные наши театральные деятели. Сразу же опознали К. С. Станиславского, Вл. И. Немировича-Данченко, М. А. Чехова. Но что представляет собой этот фильм, какова его ценность, с какой целью снят? Чтобы выяснить, надо было просматривать пленку еще и еще раз. Но из-за плачевного состояния она могла быть утрачена окончательно.

Оставалось одно: искать неизвестных авторов, кем много лет назад фильм был задуман и поставлен. По возрасту тех участников, кого удалось опознать, было ясно, что съемки велись очень давно, не позднее 20-х годов. С чего же начинать поиски сущего полвека?

В начальных титрах первой части ленты удалось прочитать: «Сценарий под редакцией Юга Гиггинса, съемки под руководством А. Жилинского, оператор Л. Косматов».

Юг Гиггинс — личность никому неизвестная. Жилинский — актер, в свое время достаточно известный. Но выяснилось, что в живых его уже нет. Оставался один — оператор Л. Косматов, также наш земляк.

Вот почему в один прекрасный день на квартире Косматова раздался телефонный звонок. Леонид Васильевич как раз оказался дома, и сотрудник бахрушинского музея Л. М. Спасский, объяснив цель своего звонка, смог, наконец, удивительно любопытно, расписать живого автора загадочной киноленты «Мы».

Сначала Косматов даже не понял, о каком фильме идет речь. За свою долгую творческую жизнь он снял не менее сорока фильмов: длинных и коротких, художественных и документальных. А тот, о котором спрашивал

Л. М. Спасский, был снят чуть ли не полвека назад и основательно забыт. Делался он в шутку, а не всерьез, как факт творческой биографии его никто не рассматривал. Шутка сыграла свою роль, была в свое время весело принята и вскоре забыта. Считалось, что лента утеряна, и никто ею не интересовался: разве ищут старые шутки?..

Однако, все быстро вспомнив, Леонид Васильевич был искренне рад «явлению из дней своей кинематографической юности», в долгой беседе с гостем и со мной рассказывал об истории создания фильма-капустника.

Как явствует из заглавных титров, это «Капустничка в трех частях. Юбилейный выпуск ВТОРОМХАТ-КИНО». Что же это за юбилей? Следует пояснить, что в 1928 году удачно сошлись по времени два события в смежных видах искусства: театре и кино. Создала К. С. Станиславским в 1913 году студия при Художественном театре и выросшая в самостоятельный коллектив как МХАТ-II, получила отметить свое 15-летие. Вторым событием являлся постановка фильма «Капустничка» — о тенькой доле политзаключенных в царских тюрьмах. Он принес вскоре всеевропейскую известность, имя и славу создателям, тогда еще молодым, малоизвестным режиссеру Ю. Райзману, оператору Л. Косматову, сценаристу С. Ермолинскому. На съемках «Капустничка» оператор тесно сблизился с участниками фильма, артистами Второго МХАТа — А. Жилинским, В. Таскиным, В. Поповым, стал завсегдатаем и другом их театра.

Леонид Васильевич с самой ранней юности был постоянным участником театральной жизни в своей родной Пензе. Еще в хоре народного оперного театра под руководством Ф. П. Вазерского. В том же театре он работал электриком-осветителем. Превосходно владея техникой театрального освещения, знал все тайны проекции диапозитивов и кино, не раз обогащал театральное зрелище своими оригинальными выдумками. Так, в опере «Фауст» Косматов изготовил на стекле цветные изображения певцы в роли Маргариты и спроецировал его на сцену через колеблю-

щиеся облака пара. Получилось столь эффектное «призрачное и живое видение», что зрители неизменно встречали эту сцену аплодисментами. Эта диапозитивка до сих пор хранится в домашнем архиве Косматова.

Конечно, теперь трудно сказать, кому первому пришла в голову идея создать кинокапустник к 15-летию Второго МХАТа: самым ли юбилейрам или их горячему поклоннику — кинооператору. Факт тот, что в этой затее как бы замкнулся некий круг — дружное кольцо, символично спаявшее театр и кино. Театр в лице своих актеров пришел в кинематограф, чтобы создать в нем живые человеческие образы, а в свою очередь кинооператор явился в театральный дом взглянуть на его обитателей глазами кинокамеры.

Как бы то ни было, благодаря этому имеются теперь уникальные кадры, запечатлевшие многие эпизоды творческой жизни и быта молодого театра — МХАТ-II. Кадры, увековечившие обаятельную облик К. С. Станиславского, своей доброй, отеческой улыбкой встречающего студийную молодежь, суховатого, слезливого Вл. И. Немировича-Данченко, сохраняющего полную серьезность, не столько даже отчужденного.

— Съемки для капустничка, — вспомнил Леонид Васильевич, — шли весело, с выдумкой, даже с озорством, иногда и скрытой намерой. В фильме вкраплены и мультипликационные кадры, где рисованный «сверчок» снес личку с надписью «Второй МХАТ».

— Неужели это тот самый фильм? — с волнением спрашивал себя Спасский, слушая рассказ Косматова. Тот самый, за которым он долго и тщательно охотился, прочитав однажды в театральном журнале за 1928 год короткое сообщение о том, что «МХАТ-II» заснял для кино весь производственный процесс театра — от выбора пьесы до спектакля со всеми его деталями.

В свое время Спасский обошел многие театральные и киноархивы, но так и не смог нигде обнаружить никаких следов загадочного фильма о Втором МХАТе, посчитав его безнадежно утерянным. Неужели, наконец, он найден?

Делясь воспоминаниями,

Косматов и Спасский вели речь и в деловом плане: как сохранить найденную в киноархиве ленту, дать ей вторую жизнь, теперь уже научно-познавательного характера. Профессор Всесоюзного института кинематографии Косматов считал возможным и полезным для института восстановить фильм «Мы» с тем, чтобы использовать его в дальнейшем как учебное пособие для работ своих студентов, будущих кинооператоров, а также студентов актерского и режиссерского факультетов.

Руководство ВГИКа пошло навстречу предложению своего преподавателя. С помощью опытных инженеров на особой триок-машине удалось изготовить вполне удовлетворительный контрнегатив, отпечатать затем более или менее хорошие копии. Самый первый публичный просмотр был организован в музее имени А. А. Бахрушина для здравствующих участников фильма — бывших второмхатовцев, а также актеров, режиссеров театра и кино старшего поколения, театроведов. Был устроен просмотр и на студии «Мосфильм», где режиссер народный артист СССР Г. Л. Рошаль со снайперской точностью и безошибочно узнавал актерскую молодежь 20-х годов. Загадки фильма «Мы» были во многом расшифрованы. Выяснилось попутно (это сделал сам Косматов) и личность Юга Гиггинса. Под этим таинственным псевдонимом скрывался известный артист В. А. Подгорный.

Правда, не до конца прослежены пути пропавшего фильма в бахрушинский музей. И выяснить это полностью вряд ли удастся — слишком много свидетелей ушло из жизни.

В музее имени А. А. Бахрушина фильм «Мы» попал вместе с киноархивом В. Э. Мейерхольда. Это подтверждено документально. А вот как он оказался у Всеволода Эмильевича — остается неизвестным. Может быть, что-то из актеров или режиссеров Второго МХАТа «виновато» в этом, или это сделано через вторые руки кем-либо из сотрудников при ликвидации театра? Могло это произойти и гораздо раньше. Зная, как тепло относился Всеволод Эмильевич к актору МХАТа М. А. Чехову, мож-

но предположить, что фильм был взят лично Мейерхольдом с тем, чтобы просматривать его.

Последующий путь киноленты известен. После смерти в 1940 году В. Э. Мейерхольда весь его архив взял к себе знаменитый режиссер С. М. Эйзенштейн. Ведь в годы театральной молодости он был учеником Всеволода Эмильевича и всегда оставался его верным почитателем. После кончины С. М. Эйзенштейна все материалы, в том числе и мейерхольдовские, перешли к другу и жене — П. Атанасовой. В 60-х годах весь киноархив С. М. Эйзенштейна был передан наследниками в Госфильмофонд. Естественно предположить, что часть материалов, не имеющих отношения к кинематографу вообще и к творчеству С. М. Эйзенштейна, в частности, вместе с фильмом «Мы» пошла в музей имени А. А. Бахрушина.

Так и лежал интересующий нас фильм в музее до тех пор, пока его работники не занялись разбором архива В. Э. Мейерхольда, где таился столь приятный сюрприз.

Остается добавить, что тяжелая болезнь и последовавшая за ней кончина Л. В. Косматова не дали возможности столь же энергично, как он провел первый этап реставрации фильма, продолжить и осуществить его план «второй жизни» ленты. Леонид Васильевич вместе с автором находки Л. М. Спасским мечтали о том, чтобы кинолента «Мы» заняла должное место в изучении истории советского театра.

Была, правда, попытка уже после ухода из жизни Л. В. Косматова восстановить ленту силами студентов ВГИКа. Но она удалась лишь частично. Да и можно ли требовать от молодых людей, отдаленных от времени Второго МХАТа полувеком, не выдавших ни одного его спектакля, чтобы они разобрались в сложных поворотах творческого пути этого театра.

Задача второй жизни фильма «Мы» все еще ждет своего разрешения. Хочется верить, что это будет сделано достаточно скоро, пока еще живы отдельные свидетели этого интереснейшего театрального явления 20—30-х годов — Второго МХАТа.

Т. ТЕР-ГЕВОНДЯН.
Москва.